

Александр Шохов

Миссия №19

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

ЗАСЛОН

ЛитРес

12+

Александр Сергеевич Шохов

Миссия №19

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67707186

SelfPub; 2022

Аннотация

2039 год, – второй год после окончания третьей мировой войны. Мирная миссия двух сотрудников АО "Заслон" по доставке комплектующих для термоядерной электростанции перерастает в масштабное боевое столкновение с превосходящими силами противника, – киборгами и биодронами.

Александр Шохов

Миссия №19

Медленно сгущались серо-голубые сумерки, скрывая за своей пеленой проносившийся под нами пейзаж. Неровная лесистая местность текла нам навстречу словно гигантская река времени. То там, то тут возвышались невысокие утёсы, пригорки, холмы, между которыми красиво извивались и поблёскивали в закатных лучах каналы и неширокие речки, текущие по направлению к Рейну.

Мы почти подлетели к бывшей границе Франции. Нам оставалось ещё около 500 километров пути до русской военной базы под Парижем. Я надеялся преодолеть их за ближайшие 3-5 часов.

Мы двигались на флайкаре, поэтому в зависимости от уровня опасности, либо ехали по дорогам, либо летели по воздуху. В Южной Германии, которую мы почти полностью пролетели, было спокойно. территория практически не была заражена радиацией, на ней почти не встречались какие-либо военные подразделения и военная техника. Сейчас же Петрович существенно уменьшил высоту, он опасался внезапного столкновения с биодронами.

– Начались самые засадные места, – сказал Петрович, наливая себе несладкий крепкий чай из двухлитрового термоса. – Дальше придётся в основном медленно и по земле.

– На сканере пусто, – сказал я, пробегая по всем частотам на планшете с яркой надписью АО «Заслон» и логотипом в правом нижнем углу. Такой же логотип красовался на панели управления, перед которой сидел Петрович.

Два десятка сопровождающих нас дронов и четыре геостационарных спутника (также произведённые в АО «Заслон») лили в планшет потоки данных, которые умная нейросеть, которую я называл Нейра, распознавала, сортировала и отображала на многослойной карте.

– Это киберзверьё на сканере почти не светится. Приспособились, сволочи, – мрачно заметил Петрович.

Биологическая, а затем ядерная война, разразившаяся в Европе в 2029-2037 годах, опустошила большую часть Великобритании, половину Европы, значительную часть Китая и Соединённых Штатов Америки. Россия уберегла свою территорию от ядерных ракет, но пострадала от генетического вирусного оружия, которое англосаксы не очень успешно направили на уничтожение основных этносов, населяющих Россию.

Французские инженеры задолго до начала войны создали автономные боевые киберорганизмы, которые могли самовоспроизводиться и эволюционировать в зависимости от окружающих условий и даже от способов, которыми их обнаруживали и уничтожали противники. Они назвали эту разработку «техноэволюция». Биодроны были одним из стратегически важных проектов НАТО (уже не существующего во-

енного блока западных стран), в начале войны на него возлагались большие надежды. В итоге «киберзверё», как их называл Петрович, размножилось, и даже начало создавать фабрики для производства необходимых им технических устройств, сенсоров, процессоров, микромоторов и прочей элементной базы. Время от времени наши кибервойска в союзе с военно-космическими силами предпринимали рейды и существенно сокращали количество биодронов, но через время они вновь восстанавливали свою численность, изменяясь при этом так, что наши средства обнаружения и уничтожения становились намного менее эффективными.

Нам нужно было доставить на базу несколько тяжёлых ящиков с секретным грузом, это были комплектующие для термоядерной электростанции, за счёт которой сейчас поддерживалась цивилизованная жизнь в крупных городах Франции, в уцелевшей части Британии и Германии и на наших военных базах.

В АО «Заслон» все инженеры, которые участвуют в проектировании, создании и программировании военной техники и оборудования, в обязательном порядке участвуют в различных миссиях. По должности я был инженером-программистом АО «Заслон», и это была моя девятнадцатая миссия. Флайкар, на котором мы перемещаемся – это надёжная боевая машина. Я находился на борту в качестве боевого геймера (проще сказать – стрелка). Руководство считало, что участие в миссиях даёт бесценный опыт использо-

вания в бою нашей техники и программного обеспечения. В мою задачу входит мониторинг работы нашего оборудования в боевых ситуациях, управление роем дронов и оружием флайкара в возможных боевых столкновениях, проверка удобства и эргономичности нового интерфейса для сканирования окружающего пространства. Как я уже говорил, моим невидимым, но очень эффективным помощником является Нейра, – комплекс умных нейросетей, специально обученных на нашем предприятии для выполнения боевых задач. Благодаря Нейре, мы с пилотом Петровичем можем противостоять практически любой угрозе.

В последние десятилетия военные столкновения всё больше стали похожи на боевые виды киберспорта, поэтому в сегодняшних кибервойсках служат, в основном, киберспортсмены. Год назад я был чемпионом России по управлению боевыми дронами. В отличие от своих соперников, я почти не использовал биоинтерфейсы, полагаясь лишь на природную реакцию и приборы больше, чем на прямой контакт своего мозга с оборудованием. Никто не ожидал, но на чемпионате это дало мне решающее преимущество: мой рой дронов одержал победу над соперниками.

– О чём задумался, Андрей? – спросил Петрович.

– Вспоминаю прошлогодний чемпионат по киберспорту, – сказал я. – И, кажется, что-то вижу на сканере.

Ударная волна сотрясла флайкар несмотря на то, что я направил лазерные лучи десятка дронов на приближающуюся

к нам крылатую ракету на довольно далёком расстоянии от нас: она взорвалась в 320 метрах.

– Что это было?

– Нейра говорит, что С-225.

– Откуда здесь такое старье? Их же все уничтожили!

– Видимо, не все. Ого! Ещё одна. А-135 на этот раз.

Мои дроны уничтожили ракету более, чем в километре от нашего местоположения.

– Эта-то здесь откуда? Мой дед в Казахстане сто тридцать пять обслуживал.

– Спускайся пониже, Петрович. Надо затруднить им радарный поиск, кем бы они ни были. Может, Нейра ошиблась с идентификацией ракет. Иногда такое бывает. Ого! Теперь «Бук» летит к нам.

Бук я обезвредил на расстоянии в полтора километра. Кто бы ни был наш противник, настроен он был серьёзно и, видимо, понял, что мы неплохо защищены.

Только я об этом подумал, как флайкар сотрясся от тяжёлого удара. Было похоже, что мы с разгона налетели на небольшой утёс, сделанный из чистой стали.

– Теряем высоту, – доложил Петрович.

– Я подхвачу, – десяток моих дронов подлетели под флайкар и понесли его на себе. – Серьёзные повреждения?

– Как будто нас снизу кувалдой ударили по двигателю, – сказал Петрович. – Запустил в двигатель нанороботов-ремонтников, жду результата диагностики.

– Я вообще не видел на сканере, что нас ударило, – сказал я. – Нейра говорит, что это, вероятно, рельсовая пушка.

– Куда ж нас занесло-то! О рейлганах я только видео смотрел! – удивился Петрович.

Двигатель флайкара закрипел и перестал работать окончательно. Я нёс наш флайкар с помощью дронов, мы двигались на высоте около 30 метров над землёй, почти задевая верхушки деревьев.

Я не знал, насколько далеко мы сможем улететь от наших врагов таким образом. Десяток моих дронов прикрывали нас сверху и передавали информацию о приближении дронов противника. Не менее пятидесяти дронов, выстроившись в устаревший лет десять назад боевой порядок, догоняли нас. Я попытался прибавить скорость полёта, но мне не удалось оторваться от преследователей. Вражеские дроны приближались. Я поручил Нейре найти наилучшее место для возможного приземления. Под нами пролетали дикие районы, некоторые из которых были сильно поражены радиацией. Корпус флайкара неплохо защищал нас, но приземляться здесь было бы не очень полезно для здоровья. Ближайший подходящий район для посадки Нейра обнаружила в тридцати километрах впереди, это был французский городок Кольмар. Я выбросил рой из двух сотен микродронов-камикадзе, которые устремились на наших преследователей. Я был в сложном положении. Поскольку двигатель флайкара не работал, и мы могли использовать только энергию аккумуляторов, я не мог

активно применять имеющееся на борту лазерное оружие, не рискуя потратить слишком много электричества. А лазерные лучи десятка дронов, которые прикрывали нас сверху, было целесообразно использовать на случай дальнейших ракетных атак, сейчас они были настроены именно на противоракетную оборону. Я мог не успеть достаточно быстро поменять цель для лазерного оружия прикрывающих нас дронов в случае ещё одной ракетной атаки. Выпускать резервные дроны (их у меня двенадцать) я пока не хотел, поскольку это был мой «козырь в рукаве». Ещё одним козырем было запасное облако микродронов-камикадзе, которое пока находилось внутри флайкара.

Микродроны-камикадзе задержали противника. Это позволило нам немного увеличить дистанцию.

– Петрович, как ремонт?

– Нанороботы сообщают, что повреждена центральная турбина. Не сможем отремонтировать на ходу.

– Садимся в Кольмаре. Передаю координаты посадки в бортовой компьютер.

– Докладываю. Отправил отчёт об атаке и информацию о полёте, заказал двигатель и кожух, – сообщил Петрович. – Центр обещает за сутки всё доставить.

Я связался со штабом и запросил разведданные о нашем противнике. Ответ меня удивил: данных нет. Противник догонял. Облако преследовавших нас дронов микродроны-камикадзе уменьшили почти вдвое. Теперь преследо-

ватели были ближе 800 метров, я включил автоматические хвостовые пулемёты. Они начали работать по приближающимся целям. Оставалось лететь ещё около 15 километров. Мы двигались примерно 120 километров в час. При удачном раскладе семь с половиной минут, – и мы на месте.

Нейра сообщила, что в точке приземления расположен бункер, в котором можно надёжно укрыться от дронов и спрятать флайкар. По всей видимости, мы уже пролетели территорию, которая контролируется противником: снизу по нам никто не стрелял. Хвостовые пулемёты уже сбили несколько дронов-преследователей. Запас патронов был достаточным, но дула пулемётов сильно разогрелись. В салоне запахло горелым ружейным маслом. Автоматика пулемётов сообщила, что останавливает стрельбу, пока дула не охладятся до приемлемой температуры.

В это время снизу послышались неприятные скрипящие звуки.

– Биодроны проклятые, – сказал Петрович.

Два из десяти дронов, которые несли наш флайкар на себе, уже были уничтожены биодронами-киборгами. Флайкар слегка качнуло, я восстановил равновесие, переместив три дрона в другие места под фюзеляжем.

– Кто же это нас преследует? – спросил Петрович, кивая головой назад.

– Штаб молчит, – сказал я. – Нет данных о противнике. Странно, что преследователи не открывают огонь.

– Дроны хотят приблизиться, чтобы стрелять наверняка. А штабные наши лентяи. Не могли даже проверить маршрут как следует. Если придётся катапультироваться, я этим бюрократам потом устрою бородинскую битву. Не хотелось бы садиться под наблюдением дронов противника, успеешь их загасить?

– Сейчас нас преследуют пятнадцать дронов. Пулемёты перегреты. Попробую снайперскую стрельбу.

Я включил управление малокалиберной пушкой и поймал в прицел один из дронов. Чпок, – противник разлетелся на кусочки. Следующий. Ещё один! Дроны, которые нас преследовали, были довольно старыми и неуклюжими. Сбивать их оказалось легче, чем я думал. Я направил все действующие дроны вниз, чтобы они разбирались с атакующими наш фюзеляж киберорганизмами, и добил оставшихся дронов-преследователей прицельным огнём.

Киберорганизмы, атак которых опасался Петрович, были немногочисленны. Потери нашего облака дронов составили четыре единицы. Кроме того, я потратил одно облако микродронов-камикадзе.

Дроны мягко опустили флайкар на автомобильную дорогу и взмыли в небо. Двигаясь по инерции, мы подкатились к бункеру, который нашла для нас Нейра. Дроны, прикрывающие нас сверху, сообщили, что преследователей больше нет. Нейра обратила наше внимание на то, что во всех домах вокруг нас находятся люди, которые могут быть вооружены

стрелковым оружием.

Мы с Петровичем одели бронежилеты и шлемы прежде чем выйти из флайкара. Флайкар был припаркован на узкой обочине автомобильной дороги, которую Нейра обозначила как D-13. Вдоль дороги через ряд аккуратно постриженных кустов возвышались заборы. Шлем, соединённый с нейросетью, сообщил, что бункер, который может защитить наш флайкар и нас от атаки с воздуха, принадлежит Жаку Блюменталю, который в настоящее время находится в своём доме в двадцати метрах от нас. Я двинулся к его дому, включив в шлеме автоматический переводчик.

– Месье Блюменталь! Жак! Нам нужно поговорить!

Дверь осторожно приоткрылась. Нейра распознала в открывшем Жака Блюменталья.

– Откуда Вам известно моё имя? – спросил он.

Похоже, во французской глубинке мало знали о современных боевых нейросетях.

– Нам рекомендовали Вас как достойного человека и благонадёжного гражданина, – сказал я. – Прошу Вас предоставить нам Ваш бункер для небольшого ремонта нашего оборудования. Мы не останемся дольше, чем до завтрашнего вечера.

– А кто Вы?

– Русские солдаты, – сказал я. – Наш флайкар немного повреждён биодронами. Мы готовы Вам заплатить за аренду бункера.

– Я готов помочь. Но немного денег мне не помешает.

Я поручил Нейре сделать перевод небольшой суммы, и она доложила о выполнении задания.

– Жак, проверьте Ваш счёт, я положил туда небольшую сумму за беспокойство.

Француз заглянул в свой довольно древний смартфон и кивнул:

– Этого более, чем достаточно, месье. Пойдёмте, я открою Вам свой бункер.

Бункер у Жака был что надо. Видимо, он соорудил его перед ядерной войной. Тогда многие строили нечто подобное. Жак вставил большой гаражный ключ и несколько раз подвигал его в разные стороны. Тяжелые двери отъехали в сторону. В бункере легко бы поместились два флайкара.

– Отлично, месье Жак.

– Попрошу жену приготовить вам бутерброды и вино, – сказал Жак.

– Спасибо. Будем признательны.

В бункере, кроме главных ворот, была ещё одна дверь в задней стене.

– Куда ведёт эта дверь, Жак? – спросил я.

– В подвал моего дома. Иногда мы пользуемся ею, чтобы не выходить на улицу.

– Вижу, что Вы всё продумали, месье Блюменталь, – сказал я с улыбкой. – А задняя дверь открыта?

– Да, она всегда открыта. На ней нет замка, – сказал Жак.

Мы с Петровичем закатали флайкар в бункер, едва не сбив стоящий у стены маленький столик. Мои дроны, парящие над нами, сообщали, что всё спокойно. Я снял шлем и подключил внешнее оборудование к своему биоинтерфейсу. Теперь данные лились непосредственно в мой мозг, и я мог управлять облаком дронов с помощью мысленных команд.

Петрович достал инструменты, поднял флайкар на встро-енных домкратах и начало снимать бронированный кожух. Я направил ему на помощь два дрона: кожух был тяжёлым.

– Сильно попало? – спросил я.

– Смотри сам.

Петрович прицепил к дронам кожух двигателя, они под-няли его и поднесли ко мне: кожух представлял собой сплошную вмятину. Я подошёл к Петровичу и заглянул в двигатель.

– Снаряд из рейлгана расплющил турбину, а потом она переломилась, – сказал Петрович. – Правильно я сделал, что заказал целый новый двигатель. Сейчас сниму его, чтобы завтра с этим не возиться.

Пока Петрович возился с креплениями двигателя и от-ключал его от оборудования флайкара, я познакомился с же-ной Жака Блюменталья.

Жак был женат на китайке. Нейра сообщила мне об этом как только я её увидел. Она шла по лужайке от дома, и в све-те, который лился из открытых дверей бункера, её походка производила чарующее впечатление. Она шла так, как буд-

то танцевала. Нейра подсказала, что её зовут Джу, что в переводе с китайского означает «хризантема». Она была невысокой, гибкой, стройной и очень вежливой. Красивое лицо с правильными чертами обрамляли длинные прямые волосы. В её руках был поднос с бутербродами, кувшином вина и стаканами.

– Здравствуйте, я Джу, супруга Жака.

– Очень рад познакомиться с Вами, Джу, – сказал я.

– Жак попросил меня сделать для Вас бутерброды и принести вино. Вот, пожалуйста.

Она поставила на столик поднос.

– Спасибо, Джу.

– Если что-то нужно, Вы говорите. Мы очень рады помочь, – сказала Джу.

Она улыбнулась, поклонилась, а потом быстро вышла наружу и направилась к дому. Я некоторое время смотрел на её походку.

– Надо же, как нас встречают, – сказал Петрович. – Как дорогих гостей.

– Было невежливо отказаться. Они от всей души рады нам. Не знаю, почему. Нейра молчит об этом.

– Нейра вовсе не обязана всё знать, – философично заметил Петрович.

Я отправил двух дронов на разведку в те места, где мы столкнулись с противником. Картинка проецировалась

непосредственно на мою сетчатку. Вот то место, где я уничтожил последнего дрона-преследователя, а вот место, пролетая над которым мы подверглись атаке биодронов. Что там внизу? Мои дроны опустились ниже, но были ослеплены вспышкой. Ещё одна вспышка. Перерыв связи. Дроны уничтожены. Хм. Я потерял два дрона, но зато точно определил координаты места, откуда нас атаквали. Я сразу же передал эти сведения в штаб. Возможно, нам удалось найти ещё одну базу биодронов или их военный завод.

Когда я вернулся в реальность, Петрович уже ел бутерброд и пил вино, болтая по спутниковой связи со своей супругой.

– Очень вкусно. Рекомендую, – сказал он.

Я налил в стакан вино и попробовал его. Вино было замечательным. За разговором с Петровичем стакан вина оказался выпит совершенно незаметно, а вкусный бутерброд был с аппетитом съеден. Я проверил уровень заряда аккумуляторов дронов, они парили в потоках воздуха и заряжались от энергии ветра. Можно было отдыхать. Нажатие кнопки на панели управления – и сиденья флайкара трансформировались в две кровати. Мы закрыли дверь бункера на довольно хитро сконструированный засов. Я любовался абстрактными узорами, которыми дверь была раскрашена изнутри, потом снял с себя броник и лёг спать. Перед сном я оставил свой биоинтерфейс включённым на случай ночной тревоги.

Сквозь сон я чувствовал, что Нейра будит меня, но я не мог проснуться. Нейра показывала мне во сне картинки, что кто-то ходит внутри флайкара. Потом я ощутил, что меня куда-то тащат, но меня это почему-то совершенно не беспокоило. Напротив, я почему-то думал, что это забавно. Когда моя голова слегка ударилась о бетонный пол бункера, я с некоторым трудом смог открыть глаза. Мы оба лежали на полу. Петрович спал. Я увидел, что его связали какими-то ремнями, должно быть из гардероба Жака, и осознал, что тоже связан. Рядом со мной стоял Жак Блюменталь и что-то говорил по-французски. Нейра показывала, что внутри нашего флайкара перемещаются предметы. Причём сами по себе. Я увидел, что четыре запасных дрона, оставаясь выключенными, висят в воздухе, и какая-то сила перемещает их к выходу из флайкара. Я обратил внимание на речь Жака. Перед глазами побежала бегущая строка.

– Вы обещали, что освободите моих детей, если я помогу взять в плен этих двоих русских. Я это сделал. Почему вы не исполняете своё обещание? Я хочу видеть моих детей!

Мне было очень интересно, с кем он разговаривает. Я медленно, стараясь не привлекать внимания, вывернул свою шею, чтобы увидеть собеседника Жака. Перед ним висело в воздухе существо, отдалённо напоминающее очертаниями человеческую фигуру, в которую было инсталлировано множество разнокалиберных электронных деталей, каких-то ёмкостей, сосудов, трубок. Вся эта конструкция буквально бол-

талась в воздухе благодаря двум держащим её на весу дронам, и была окружена довольно плотными электромагнитными излучениями. Я вывернул шею ещё сильнее и увидел, что в глубине бункера открыта дверь. И к этой двери медленно движутся четыре мои выключенных дрона. Значит, и эти невидимые существа, и Жак, и этот странный ёмкостно-сосудисто-трубчатый киборг появились в бункере не с главного входа, поэтому мои дроны, оставшиеся снаружи, ничего не заметили и не подняли тревогу. Я, стараясь не выдать себя ни одним движением лицевого мускула, через биоинтерфейс активировал два из оставшихся внутри восьми резервных дронов внутри флайкара. Мысленно я поблагодарил Петровича, который ещё вчера снял двигатель. Теперь мои дроны незаметно могли вылететь наружу через открытый фюзеляж. Когда два дрона были активированы, я активировал те четыре, которые медленно двигались к задней двери бункера, переносимые какими-то невидимыми для меня биодронами.

Между тем Жак продолжал оживлённо спорить с безмолвным киборгом.

– Если я немедленно не увижу своих детей, я ни в чём больше не буду Вам помогать. Как это понимать? Что значит «не можете доставить их сюда»?

Я понял, что киборг каким-то образом активировал биоинтерфейс Жака Блюменталья, и, возможно, Жак видит это существо совсем иначе, чем я, и слышит его голос, который транслируется прямо на его барабанные перепонки.

– Детки мои! – Жак присел на корточки перед детьми, которых видел только он один. – Как Вы? Всё хорошо, папа уже с вами. Злой месье больше не причинит Вам вреда. Пойдёмте со мной.

Он приобнял своих невидимых детей и собирался уйти в открытую заднюю дверь, но киборг преградил ему путь.

– Нет, я не буду никого убивать! – сказал Жак. – Детки, мы сейчас уйдём отсюда на улицу.

Жак направился к воротам бункера, чтобы открыть их. Интересно, какова судьба настоящих детей Жака?

Четыре дрона, которых невидимые существа переносили к задней двери, резко взмыли вверх. Теперь я их полностью контролировал. Я хотел понять, что будет делать Жак, чтобы случайно не ранить его во время атаки на странного киборга.

Жак открыл засов на воротах, створки отъехали в стороны, потом он оглянулся на киборга и, взяв за руки своих воображаемых детей, вышел на улицу. Уже находясь на улице, он обернулся и громко крикнул:

– Русские солдаты, просыпайтесь, Вашей жизни угрожает опасность!

Но Петрович только чмокал губами и не просыпался. Мне пришло в голову, что я выпил только один стакан вина и съел только один бутерброд, а Петрович выпил весь кувшин и приговорил три или четыре бутерброда. Видимо, Джу угостила нас хорошей дозой снотворного, но основную его часть принял мой пилот.

Я атаковал киборга двумя дронами изнутри флайкара и четырьмя от задней двери бункера. Два дрона, удерживавшие на весу «тело» киборга, были выведены из строя за секунду. Киборг буквально осыпался на пол бункера. При этом он страшно предсмертно захрипел. Как такая ерунда, как он, вообще могла существовать! Я повернулся на живот и с помощью биоинтерфейса прицелился лазерным лучом одного из дронов в ремни, которыми были связаны мои руки. Мне удалось аккуратно прожечь один из ремней и освободиться. Пока я распутывал ноги, в бункер вернулся удивлённый и испуганный Жак. Он пытался найти своих детей. Он звал их, но не мог нигде обнаружить, – видимо, когда киборг упал, его воображаемые дети просто растворились в воздухе.

Петрович продолжал спать безмятежным сном. Я подошел к пилоту и освободил его руки и ноги от ремней, но будить не стал. С Петровичем я разберусь чуть позже.

– Жак, – сказал я. – Успокойся. Твоих детей здесь нет. Это была галлюцинация, которую передали прямо на сетчатку твоих глаз и на барабанные перепонки. Я найду и освобожу твоих детей. Иди к Джу. Скажи, что я не обижаюсь ни на неё, ни на тебя. Я помогу вам обоим, и вашим детям. Я беру вас под свою защиту, понятно?

Жак, посмотрев на меня безумными глазами, кивнул и быстро убежал в заднюю дверь бункера. Я отправил за ним один из дронов и убедился, что задняя дверь действительно соединена длинным коридором с подвалом дома Жака.

Пять моих дронов грозно нависли над валяющимся на полу киборгом. Я заглянул во флайкар, достал свой шлем, надел его и с некоторым облегчением отключил биоинтерфейс, перейдя на более комфортные для меня средства управления оборудованием.

– Поговорим? – предложил я киборгу на английском и французском.

– Поговорим, – согласился он на чистом английском.

– Кто ты такой, и что ты творишь? – спросил я.

– Мы киборги, – ответил он.

Биодроны и киборги часто говорят о себе во множественном числе. Я читал, что у них коллективно-индивидуальное сознание, похожее на сознание муравьёв или пчёл, но совершенно своеобразное.

– Это я и так вижу. Почему ты так странно выглядишь?

– Моему телу исполнилось сто лет. Когда я был человеком, я был первым, кто создал биодроны, я изобретатель техноэволюции. Тело, которое ты видишь, странно выглядит, но ты сможешь привыкнуть к этому и даже ощутить своеобразную красоту.

– Ты же англичанин, а биодроны – французский проект.

– Это был и британский проект тоже. Без меня он бы не состоялся.

– Как тебя зовут?

– Моё человеческое имя Джон Сорос.

– Сорос? Повезло с фамилией! Или родственник?

– Однофамилец, – кажется, мой собеседник был огорчён тем, что я ничего о нём не слышал.

Я попросил Нейру, и она нашла упоминания о том, что Джон Сорос действительно был одним из основателей биодронного проекта.

– А как звучит твоё киборговое имя?

– Антей.

– Значит, Антей, это ты нас обстреливал?

– Мы обстреливали, да.

– А почему таким странным оружием?

– Стреляли тем, что было. Мы нашли документацию в архивах, и собрали оружие.

– Нашли документацию и собрали? Неужели? А рейлган?

Вы серьёзно собирали рейлган?

– Рейлган сработал! Ты пропустил этот удар.

– Не поспоришь, – согласился я. – Значит, ты вёл нас прямо в этот бункер, да?

– Мы вас вели сюда, поскольку это идеальное место для ремонта.

– Зачем Вы это делали?

– Нам нужны технологии и инженерные решения АО «Заслон». Поэтому нам пришлось незначительно повредить флайкар. Теперь все технологические решения захваченной техники мы сможем повторить на наших заводах

– Вы ещё не захватили нашу технику, – сказал я.

Мой собеседник, кажется, не обратил никакого внимания

на моё замечание.

– Нам также нужны инженеры и пилоты АО «Заслон», чтобы они работали на нас. Мы – последний оплот свободного западного мира. Мы последняя надежда европейской цивилизации. И, я думаю, что у тебя и твоего пилота есть причины помогать нам. Представь: с технологиями АО «Заслон» мы сможем покорить весь мир и очень быстро вернуть его на путь цивилизации и глобализации. Одна страна – одна планета. И ты с твоим другом, вы оба можете быть одними из нас, станете властелинами мира.

– Так вот почему ты не вывел из строя нашу технику, пока мы с Петровичем были в отключке! Хотели просто тихо всё вынести отсюда, пока мы спим? И нас с Петровичем упаковали, чтобы перенести?

– Это было бы оптимально. Мы могли бы опустошить этот бункер изнутри, увезти вас обоих спящими в нашу лабораторию, там мы могли бы поговорить более содержательно.

– Кажется, у тебя не получилось сделать всё незаметно. Надеюсь, план «бэ» тоже разработан?

– На этот вопрос я бы не хотел отвечать.

– Ну тогда другой вопрос. Ты всерьёз считаешь себя последней надежной свободного западного мира?

– Да, мы считаем, – ответил Антей.

Я даже с некоторым сочувствием оглядел грудку внутренних органов в искусственных оболочках, соединённых трубками и проводами, которые лежали передо мной на полу. У

него даже не было нормального лица, и при этом он продолжал помнить своё человеческое имя и цепляться за такую жизнь.

– Мне искренне жаль свободный западный мир, – сказал я.

– Твой отказ от сотрудничества может дорого тебе обойтись.

– Вздумал мне угрожать, Антей?

– Это не угроза, мы трезво оценили твои шансы выбраться отсюда живым.

– Ну с этим мы разберёмся чуть позже. Где находятся сейчас дети Жака и Джу?

– Они в пяти километрах отсюда в лесу под нашей охраной.

– Передавай карту и фото.

– Мы не можем это сделать. Мы не можем стать предателями биодронических интересов.

– «Биодронических»? Я же в любом случае их найду, – сказал я, отдавая команду находящимся снаружи дронам прочесать лес в радиусе пять километров. – И я в любом случае сообщу твоим биодронам, что ты дал мне их координаты. Это будет записано в вашей коллективной памяти.

– Это бесчестно, – сказал Антей.

– Я не уверен, что должен придерживаться законов чести и честности в отношениях с существом, которое крадёт детей и занимается шантажом.

– Я был вынужден сделать это!

– Думай об этом что хочешь и как хочешь, – сказал я. –

Координаты!

Он переслал мне координаты, я направил их своему рою дронов и активировал ещё шесть резервных дронов внутри флайкара. Что-то подсказывало мне, что угроза Антея не была пустой. Но откуда он будет атаковать? Снаружи никого. Изнутри бункера тоже чисто. Впрочем, кто-то же носил мои дроны, кто-то вытащил нас из флайкара. Петрович говорил, что киберзверьё на сканерах не светится. Что если они научились маскироваться настолько хорошо, что я не могу их обнаружить? Вполне вероятно, они прямо рядом со мной сейчас. Или это паранойя?

Мои дроны нашли детей Жака и Джу. Находящаяся рядом охрана была уничтожена ими за несколько секунд. Я скомуандовал дронам построиться в площадку (типа ковра-самолёта), на которой можно доставить детей домой. Нейра сообщила, что через пять минут дети будут дома. В это время Петрович, наконец, начал приходить в себя.

– Андрей, что происходит? – спросил он.

– Мы с тобой выпили вино со снотворным. Биодроны похитили детей Жака и Джу. Детей я уже нашёл и везу сюда. Киборг Антей, то, что от него осталось, лежит вон там у стены. Он хотел, пока мы спим, вынести из бункера наше оборудование через заднюю дверь, и нас заодно. Можешь поговорить с ним, он англичанин. Кстати, он утверждает, что мы

отсюда не выберемся. Поэтому будь начеку. А я пойду найду Жака и Джу.

Я вышел через дверь бункера, и, как был, в шлеме, двинулся по лужайке к дому Жака Блюментала.

– Жак, это я. Дети через минуту будут здесь. Слышишь меня?

– Вы не хотите мне навредить?

– Нет, конечно нет. Вот, смотрите, Ваши детки живы-здоровы.

Ковёр-самолёт, составленный из боевых дронов, мягко приземлился на лужайку между домом и бункером. Джу и Жак выбежали на улицу, бросились к детям. Детские крики, женские слёзы. Жак со словами благодарности кинулся ко мне, но я остановил его.

– Жак, не нужно. Идите к детям. И, знаете, лучше пока побудьте у соседей через дорогу. Здесь может начаться заварушка.

– Думаете, они нападут на вас?

– Обязательно нападут, – сказал я. – Не хочется, чтобы ваша семья пострадала. Идите к соседям, и даже не заходите домой, пока тут всё не закончится. Хорошо?

– Я понял. Понял! Спасибо Вам!

Жак и Джу повели детей прочь от дома. Два дрона я направил вслед за ними, – не хотел оставлять эту семейку без присмотра. Остальным дронам я приказал занять боевые позиции вокруг бункера и связался со штабом. Я пере-

дал командованию файл с допросом биодрона Антея, а также узнал, что наш новый двигатель уже в пути, и по плану будет у нас в течение трёх часов.

И только я отключил сеанс связи, началась заварушка. Шесть дронов, которые я оставил над валяющимся телом Антея, доложили о взрывах внутри бункера. На улицу выбежал Петрович.

– Андрей, кто-то атакует снизу! Этот подонок ничего полезного мне не сказал, но пытался убедить, что я должен работать на киберзверьё. Сказал, что ты практически согласился с ним сотрудничать.

– Не обращай внимания, Петрович. Ты же его видел. При таком состоянии тела довольно трудно сохранять трезвый рассудок. Больной он, короче.

– Точно, больной! И ещё я об кого-то невидимого споткнулся, когда выбегал.

Должно быть, Жак предусмотрел ещё один, подземный выход из бункера. А сейчас по этому тоннелю кто-то прорывался к нам. Или это невидимые помощники Антея заложили на пол невидимую для нас взрывчатку и теперь взрывают пол бункера? Зачем? Чтобы спасти Антея? Насколько мне известно, биодроны не настолько сентиментальны. Кроме того, его можно просто вынести через заднюю дверь. Конечно, они хотят похитить оборудование и разработки АО «Заслон». Они хотят похитить нашу технику, чтобы воспроизвести её на своих заводах! Антей прямо об этом сказал.

Ох уж эта «последняя надежда европейской цивилизации»!

Я вывел из фюзеляжа флайкара ещё шесть дронов, и распределил все двенадцать дронов внутри бункера с заданием уничтожить всё, что вылезет снизу. Сам же я подхватил под руку Петровича, который всё ещё довольно плохо стоял на ногах после снотворного и ударной волны от взрывов, и оттащил его через лужайку к кустам у автомобильной дороги D-13.

– Петрович, посиди здесь пока, хорошо? Я разберусь и вернусь за тобой.

– Давай, Андрей. Помни, они не всегда видны на сканерах! И глазами их не увидеть.

– Помню, Петрович.

Я вернулся к дверям бункера как раз вовремя: пол провалился сначала в одном углу, потом в другом. Столик разлетелся на куски, а всё ещё стоявший на нём поднос с посудой, улетел и врезался в стену. Антея я нигде не увидел. Куда же он мог уползти? Я попросил Нейру показать записи с камер дронов. Вот лежит груда органов, которые называли себя Антеем, а через секунду их просто нет. Исчезли! Мистика. Дроны доложили, что глубина провалов составляет не меньше десяти метров. Похоже, они хотят утащить наш флайкар под землю!

Я приказал шести дронам залететь под флайкар и приподнять его, после этого втянул домкраты флайкара и направил

его прочь из бункера. Дроны вынесли наш транспорт наружу и аккуратно поставили его около Петровича, развернув носовыми пулемётами к дверям бункера.

– Правильное решение! – сказал Петрович, залезая в кабину. – Включай пулемёты, Андрей.

Петрович достал мешок патронов для калаша и начал снаряжать магазины. Я включил передние и задние автоматические пулемёты, но целей пока не было видно. Шесть дронов, которые вынесли флайкар, я оставил снаружи в качестве дополнительного контура защиты. Шесть дронов внутри бункера докладывали о новых взрывах и провалах в полу.

Я был обеспокоен исчезновением Антея, поэтому просмотрел видеозапись ещё раз, теперь уже в инфракрасном диапазоне. Вот лежит груда органов, а в следующий миг какие-то существа, видимые в инфракрасных лучах, забирают его и утаскивают через заднюю дверь. Я приказал всему рой дронов сканировать пространство в инфракрасном диапазоне. Если Антей сейчас в подвале дома Жака командует всей этой операцией, надо его устранить. У меня оставалось ещё одно облако микродронов-камикадзе, и я решил, что пора его использовать. Я выпустил рой микродронов к дому Жака с заданием найти и убить Антея и сопровождающих его существ.

Через несколько секунд послышались взрывы, я увидел на картинке, как разлетаются по подвалу дома Жака останки Антея и как бешено мечутся в замкнутом пространстве су-

щества, которые его туда принесли. Микродроны настигали их, закреплялись на их поверхности и взрывались. Прошло не больше двух минут, и подвал дома был зачищен. Микродроны проверили все этажи и чердак. Дом Жака теперь был безопасен. Взрывы под полом бункера прекратились. С помощью тех же микродронов я проверил внутреннее пространство флайкара, и убедился, что невидимых существ там нет: только Петрович.

Я подошел к нашему транспорту, одел броник и достал из кармана рядом со своим сиденьем два лазерных бластера. Очень люблю это умное оружие: простое, эффективное и стреляющее только в моих руках. Сканируя пространство в инфракрасном спектре, я двинулся по направлению к бункеру. Рой дронов прикрывал меня сверху. Не заходя внутрь бункера, я направил оставшихся микродронов-камикадзе в провалы. Транслируемая картинка показывала, что тоннели под бункером и правда были глубокими. Внутри находилось множество тех тварей, которые утащили Антея в подвал дома Жака, невидимых в оптическом диапазоне, но видимых в инфракрасном. Я почему-то назвал их инфракрысами.

Эти инфракрысы были размером со среднеевропейскую овчарку, у некоторых из них были пропеллеры, у некоторых колёса. Все они были вооружены лёгкими пулемётами, лазерами, некоторые гранатомётами и миномётами. В тоннелях под бункером их было несколько сотен, возможно, даже больше тысячи. Теперь была ясна уверенность Антея в том,

что я не выберусь отсюда живым. Вся эта армия, несмотря на примитивность каждой инфракрысы, вполне могла уничтожить рой моих дронов, а затем и нас с Петровичем.

Я подумал, что гибель их предводителя на короткое время остановила атаку. Они ждут команды, чтобы пойти на штурм, но Антей размазан по стенам подвала в доме Жака и такую команду отдать не может.

Я запросил совета у Нейры. Попросил её найти лучший способ массового уничтожения инфракрыс. Она приняла мой вопрос, но медлила с ответом.

– Думаешь, ты убил меня? – в наушниках моего шлема явственно прозвучал знакомый мне голос Антея.

– Да неужели вместо тебя я взорвал твою куклу вуду? – усмехнулся я. – Надеюсь, тебе было немного больно?

– Смешно, – сказал Антей. – Мне удалось тебя одурачить, ведь ты поверил, что резиновые мешки с жидкостями и трубками – это и есть я.

– Да, действительно, я поверил в это. Надеюсь, ты делал куклу как точную копию своего реального тела? Иначе магия вуду не могла сработать!

– Да ты шутник, – сказал Антей.

– Зачем тебе потребовалось утаскивать бесполезную куклу из бункера в подвал дома Жака?

– Чтобы ты продолжал верить, что кукла – это я и есть.

– А почему ты сейчас решил развеять мою иллюзию? – спросил я.

– Может быть, мне нравится говорить с тобой. А будучи официально мёртвым, делать это затруднительно.

– Почему не атакуешь? У тебя превосходящие силы.

– Даю тебе ещё один шанс пересмотреть твоё решение, – в голосе Антея послышалось превосходство.

– А где ты сам?

– Повсюду. Я слишком давно живу, чтобы вот так запросто передать тебе свои координаты. Ты подумал ещё раз?

Я попросил Нейру определить источник сигнала, который шёл в наушники моего шлема. И попросил её отфильтровать частоты, которыми этот источник обменивается с инфракрасами, а также раскодировать их взаимные сообщения. Если Нейра справится и раскодирует команды Антея инфракрасам, это даст мне некоторое преимущество.

– Мой ответ не изменился, – ответил я Антею.

– Но ты задумался на секунду, – сказал он. – Колеблешься?

– Ищу варианты, как тебя и всех твоих инфракрас уничтожить, – честно признался я.

– Нет у тебя вариантов. И это никакие не инфракрасы. Это мои братья и соратники. Я задам свой вопрос ещё раз, когда уничтожу всех твоих дронов. И это будет твой последний шанс остаться в живых.

Инфракрасы пришли в движение. Они вылетали и вылезали из провалов в полу бункера. Мои дроны-камикадзе уничтожили более сотни нападающих. Но это был для них все-

го лишь минимальный ущерб. Одновременно началась атака по внешнему контуру. Со всех сторон к нам направлялись дроны противника.

Я отодвинул рой своих дронов с линии огня и дал команду носовым пулемётам флайкара убивать инфракрас. Пулемётный огонь оказался довольно эффективен. Но часть помещения не простреливалась. Шесть дронов добивали тех, кто прячется по углам, лазерным оружием. Патроны в пулемётах, конечно, были не бесконечны. Но мне нужно было выиграть время, чтобы найти настоящее решение проблемы. Я включил в автоматическом режиме мелкокалиберную пушку, которая вместе с внешним облаком моих дронов успешно удерживала врага на внешнем периметре. Но вражеских дронов становилось всё больше, и они создавали всё больше проблем, их заряды ложились всё ближе ко мне. Нейра рекомендовала мне поискать укрытие. Единственный объект, который не был атакован – это флайкар. Видимо, они очень хотели взять его неповреждённым.

Инфракрасы поменяли тактику. Они начали использовать щиты из какого-то материала, которые эффективно защищали их от пулемётного огня, и начали жечь мощными инфракрасными лазерами мои дроны. Когда четыре моих дрона задымились и упали, я извлёк бластеры, спрятался за тяжёлой дверью бункера и открыл огонь. Поначалу всё происходило как в обычной компьютерной игре: я уничтожил сотню инфракрас своими бластерами и даже сбил два

внешних вражеских дрона. А потом одна из гранат взорвалась почти рядом со мной. Перегревшиеся пулемёты замолчали. А инфракрасы всё вылезали и вылезали на поверхность. У меня осталось восемь дронов, считая те два, которые я отправлял следить за семьёй Жака, – пришлось призвать их обратно. Я был слегка контужен несмотря на то, что мой шлем защищал от контузий, сильно болело правое колено. Скорее всего, осколок ударил прямо в мою коленную чашечку. Впрочем, боль в колене не казалась такой уж важной. Оставшись без пулемётного огня, я попытался задействовать лазерное оружие флайкара, но двигателя в нашем транспорте не было, поэтому лазерное оружие поработало лишь несколько минут, а потом энергия аккумуляторов стала недостаточна для лазерного оружия: аккумулятора хватало теперь только для поддержки функционирования Нейры и для автоматического прицеливания пулемётов и мелкокалиберной пушки, – и то в течение не более, чем одного часа. Петрович руками развернул флайкар задними пулемётами к бункеру, я активировал их. Пулемёты позволили нам продержаться ещё восемь минут, потом они тоже перегрелись.

Петрович с тепловизором на лице уже бежал ко мне, держа наперевес автомат Калашникова. Он занял позицию с другой стороны от двери бункера и открыл огонь по противнику, но это не могло дать нам существенного преимущества. Пули, гранаты и мины стали серьёзной проблемой для нас. Петрович как-то ухитрился сбить из автомата дрон

противника, и довольно успешно вёл огонь, не давая инфракрасам выйти из бункера и успешно убирая тех, кто целился в него. И он, и я сожалели, что лужайка слишком ровная: укрыться от вражеского огня было негде.

Наступил момент, когда инфракрасы уничтожили все наши дроны. Впрочем, дронов на нашем внешнем периметре у противника тоже оставалось мало: мелкокалиберная пушка сбивала по одному каждые две-три секунды. Мы были почти безоружны. Никаких резервов у меня больше не было. В этот момент инфракрасы вновь замерли и прекратили огонь. Мелкокалиберная пушка добила оставшиеся в воздухе дроны противника и начала стрелять внутрь бункера.

– Я спрашиваю ещё раз, – прозвучал в наушниках голос Антея. – Ты согласен сотрудничать?

– Мой ответ прежний. Нет.

– Я не очень чётко услышал, – коварно пропел Антей в моих наушниках. – Повтори.

– Я декодировала переговоры Антея с инфракрасами, – доложила Нейра. – Могу перехватить управление.

– Перехватывай. Мне нужно, чтобы одна половина инфракрас поубивала другую.

– Исполняю, – почти пропела Нейра. – После уничтожения каждой инфракрасы оставшаяся популяция будет делиться примерно пополам с целью взаимного уничтожения.

Если бы Нейра была женщиной, я бы в тот момент объяснился ей в любви.

– Киборг Антей, Джон Сорос, маршал НАТО, командующий инфракрысами, последняя надежда европейской цивилизации, какие у тебя там ещё есть титулы и звания, – сказал я. – Я официально и полностью отказываюсь от твоего предложения. И обещаю, что когда я найду тебя, я подвергну термическому воздействию каждую молекулу того предмета, который ты называешь своим телом.

– Мог бы выразиться короче. Мне жаль, что ты отказался. Прощай! – сказал Антей.

Моё последнее мощное оружие – Нейра – успела сделать своё дело буквально за секунду до того момента, как на нас ринулась бы стая инфракрыс. Я спокойно наблюдал как крысы убивают друг друга и активно помогал им своими бластерами. Петрович также занялся избиением киберзверья из Калашникова. Оказалось, что у него с собой было целых два десятка рожков. Запасливый старый вояка!

– Что происходит? – кричал Антей в моих наушниках.

– Твои инфракрысы поссорились, – сказал я. – Конфликт в коллективе всегда плохо кончается.

– Я вычислила координаты Антея, – сообщила Нейра.

– Где он?

– Он находится в здании завода, который был вчера вечером найден двумя твоими дронами, Андрей.

– Дай координаты штабу, пусть не пожалеют один «калибр».

– Исполняю, – сказала Нейра.

– Нейра, сколько инфракрыс осталось в тоннелях?

– Триста две, – сказала она. – Уже двести восемьдесят одна.

– Доложи, когда останется последняя и выведи её под огонь моих бластеров.

Через пару минут последняя инфракрыса вылетела из провала в полу бункера. Я всадил в неё два луча из своих бластеров. Бой был завершён.

– Антей, – сказал я. – Как твоё сердцебиение? В твоём возрасте вредно сильно волноваться.

– Я ещё не разобрался, как ты это сделал, – сказал Антей.

– А зачем тебе это знать? – спросил я.

– Хочу... – в наушниках раздался треск, а потом наступила тишина.

Я лёг на траву. Колено болело очень сильно, а руки не разжимались. Они так плотно обхватили рукоятки бластеров, что мне казалось, пальцы могут сломаться. Я совершенно не мог их расслабить.

– Петрович, – сказал я. – Не могу руки разжать.

– Это мы сейчас, – сказал Петрович. – Сейчас поможем.

Он сбегал к флайкару и принёс двухлитровый термос с чаем. Чай уже не был горячим, он был приятно-тёплым, градусов пятьдесят. Петрович бережно взял мою правую руку и полил на неё чай. Мышечный спазм начал проходить, я разжал руку. Потом он проделал то же самое с левой рукой. Я поблагодарил пилота, а затем с наслаждением распрямил

пальцы, снял шлем, включил свой биоинтерфейс и заложил руки за голову.

– Ты отлично справился, Андрей, – сказал Петрович. – Спасибо тебе. Я уже думал, что это мой последний и решительный.

– Не, Петрович. Мы ещё повоюем. Только вот контузило меня. И колено болит.

– Подлетает транспорт с двигателем для флайкара, – сообщила Нейра. – Следов Антея в эфире не обнаружено.

– Петрович, двигатель сейчас будет здесь, – сказал я.

– Это хорошо, двигатель я поставлю. Это пустяковое дело. Сейчас вколю тебе обезболивающее, антибиотик и противовоспалительное. Ты отдыхай.

Он сделал укол. А потом я так и лежал, на траве, глядя в небо, пока Петрович с помощью дронов, прилетевших с транспортным кораблём, ставил двигатель и новый кожух на наш флайкар.

В какой-то момент на лужайке появились Жак и Джу. Они подошли ко мне. Джу очень внимательно осмотрела моё колено и сказала, что мне потребуется хирургическая помощь в связи с раздробленной коленной чашечкой. Я поблагодарил её слабой улыбкой. Меня охватила полная апатия.

Петрович с помощью дронов погрузил меня во флайкар, и по дороге к базе я уснул.

Проснулся я уже после операции. Хирург сообщил, что пришлось заменить мою коленную чашечку на копию из на-

нокомпозита. Я вышел из госпиталя на следующий день. Когда мы с Петровичем прилетели в Санкт-Петербург и доложили руководству об успешном выполнении миссии, нас обоих наградили. Мне вручили орден Святого Георгия четвёртой степени, а Петровичу медаль «За отвагу».

По результатам нашей миссии было решено внести изменения в конструкцию автоматических пулемётов флайкаров с целью избежания их перегрева и установить дополнительные аккумуляторы для питания лазерных пушек.

Отчёт о миссии составлен Андреем Гамовым, инженером-программистом АО «Заслон», кавалером ордена Святого Георгия четвёртой степени

21 мая 2039 года